

УДК: 811.111-26

**Шустилова Т.А.***Московский государственный университет  
им. М.В. Ломоносова***КОНЦЕПТЫ ВЛАСТИ И ПОДЧИНЕНИЯ В ПЬЕСЕ У. ШЕКСПИРА «БУРЯ»**

*Аннотация.* Реализация концептов власти и подчинения в пьесе У. Шекспира «Буря» рассматривается в данной статье в контексте представлений о соотношении власти земной и небесной в Библии и в английском обществе эпохи Возрождения. Автор проводит анализ параллельных сюжетных линий и символических деталей, подчёркивающих контраст между Просперо и другими правителями, изображёнными в пьесе. Особое внимание уделяется тому, как в противопоставлении правителей реализуется укоренённая в сознании человека шекспировской эпохи оппозиция Божественной и дьявольской власти и как эта оппозиция отражается в семантике и коннотациях слов, объективирующих концепты власти и подчинения.

*Ключевые слова:* английская литература, Возрождение, Шекспир, пьеса «Буря», концепт, власть, подчинение, иерархия, правитель.

**T. Shustilova***Lomonosov Moscow State University***THE CONCEPTS OF AUTHORITY AND SUBORDINATION  
IN “THE TEMPEST” BY W. SHAKESPEARE**

*Abstract.* The way the concepts of authority and subordination are realized in Shakespeare's piece “The Tempest”, is considered in the article against the background of the ideas of correlation of God's power and earthly authority in the Bible and the culture of English Renaissance. The author analyzes parallel subplots and symbolic details of the play “Tempest”, bringing out a marked contrast between Prospero and other characters endowed with power. Special attention is paid to the way these subplots and details reflect the opposition between God's and the Devil's power over humans, deeply rooted in the mindset of Shakespeare's contemporaries, and how this opposition is reflected in the meaning and connotations of the words in which the concepts of authority and subordination are realized.

*Key words:* English literature, Renaissance, Shakespeare, piece “The Tempest”, concept, power, authority, subordination, hierarchy, governor.

В Англии эпохи Возрождения было принято соотносить любые иерархические отношения с отношениями между Богом и его Творением, раскрывающимися в Библии. С одной стороны, господство Бога над человеком и всем созданным им миром осмыслялось через земные образы вла-

сти (*король, господин, хозяин, учитель, отец*)<sup>1</sup>, с другой стороны, земные вла-

© Шустилова Т.А., 2015.

<sup>1</sup> См., например, начало одной из молитв о королеве в «Книге общей молитвы» (1559 г.): “O LORD our heavenly father, high and mighty king of kynges, Lorde of lordes, the onely ruler of princes...” (Litany // The Book of Common Prayer. London. – 1559 [6]).

дыки были призваны являть в своей жизни образ божественной власти [13, с. 11; 3, с. 134]. Принимая во внимание множество параллелей между Просперо и библейским образом Бога, можно предположить, что в своих образах и сюжетах Шекспир стремится одновременно отразить идеал правителя, достигшего высокой степени богоподобия, и выразить ряд представлений о власти самого Бога, о том, как реализуется Его воля в человеческой истории. Это означает, что тема власти и подчинения требует нашего пристального внимания.

Цель статьи – рассмотреть использованные в пьесе «Буря» лексические единицы, связанные с обозначением иерархических отношений, очертить круг ассоциаций, которыми они обладают в Библии, и определить, какие из этих ассоциаций актуализируются в пьесе, обогащая и углубляя смысл отдельных высказываний, образов и эпизодов.

### **Представление о соотношении власти земной и небесной в Библии и в английском обществе эпохи Возрождения**

Согласно представлениям эпохи, отношения власти и подчинения пронизывают и скрепляют всё сущее, сообщая Божьему творению целостность и единство. Центр всех иерархических структур – сам Бог, и в его мире царит порядок, если правители – монархи, священнослужители, главы семей, наставники, получившие от него власть законным путём, – стремятся подчинить свою волю Его воле, а их слуги, в свою очередь, повинуются вышестоящим инстанциям. Поэтому одна из важнейших составляющих

богослужения – молитва о монархе, а в «Катехизисе», в ответе на вопрос «В чём состоит твой долг по отношению к ближнему?», содержатся следующие слова:

*Оказывать почести (honour) и повиноваться (obey) королю и его министрам. Подчиняться (submitte my selfe) всем моим руководителям (governours), учителям, духовным наставникам и преподавателям. Обходиться со всеми, кто поставлен надо мной, со смиренном и почтением (To order my selfe lowly and reverently to all my betters) [1].*

Иерархической представляется и внутренняя организация личности: потребности, чувства, эмоции, стремления должны быть подчинены в ней разуму как духовному, божественному началу. «Воцарение» божественного начала в душе человека, наделённого властью, является непременным условием порядка и гармонии среди его подданных. Это представление отражено в одной из молитв о монархе, вошедшей в «Книгу общей молитвы» (1559 г.):

*«Всемогущий Господи, <...> господствуй в сердце (rule the heart) Твоей слуги и нашей королевы и правительницы (governoure) Елизаветы таким образом, чтобы она (помятуя о том, Кому она служит (whose minister she is)) могла прежде всего искать Твоей чести (honoure) и славы (glory) и чтобы мы, её подданные (subjects), (понимая, Чьей властью она исполнена (whose auctority she hath)) почитали (honour) её, преданно служили (serve) и смиренно подчинялись (humbly obey) ей...» (здесь и далее курсив и перевод по умолчанию наш. – Т. III.) [4].*

Эту же идею подчёркивает сэр Томас Элиот в трактате «Правитель».

По его словам, государь должен быть наделён двумя типами власти – «внутренней» ('interior or inward governance') и «внешней» ('exterior or outward governance'): первая позволяет ему подчинять свои страсти разуму, а вторая – своих детей, слуг и других подданных – собственной воле. По мнению Х. Брукса, эти представления последовательно реализуются Шекспиром в образе Просперо: «Благодаря своему образованию, занятию науками, размышлению и испытаниям, которые он преодолел с помощью Провидения, он [Просперо] *возвёл на престол* в собственной душе (has *enthroned* in himself) те качества, которые должны *господствовать* (should *be sovereign*) в человеке и *править* (*rule*) им. Он способен сохранять, хотя и не без внутренней борьбы, *самообладание* (*self-mastery*), которое не свойственно Калибану и Стефано, и которое даёт право истинному *господину управлять* другими людьми (which is the true *sovereign's* true title to *exercise command*)» [11, с. 39].

В английском обществе эпохи Возрождения было принято соотносить различные иерархические структуры между собой [9, с. 5], а главное – с той, которая рассматривалась как их прототип, эталон – с Царствием Небесным и его земным воплощением – христианской церковью, глава которой – сам Христос. Эта особенность мышления отражается, в том числе, в многочисленных высказываниях короля Иакова: «Я – муж, а весь остров – моя законная жена; я – голова, а он – моё тело, я пастырь, а он – моё стадо» [5, с. 142-149]. Король характеризует здесь свою власть при помощи тех же метафор, которые использует Христос

для выражения отношений между Собой и Своей Церковью; таким образом, в конечном итоге, король соотносит себя с самим Христом.

Однако в Библии содержится также указание и на другую власть, противопоставленную власти Божией по природе и цели. Для её образного описания в Библии часто используются те же метафоры, что и для характеристики власти Бога: обозначения правителей (king, prince) и их подданных (servant, slave), отца (father) и детей (children, son) и связывающих их отношений (to obey, to rule, to govern, to honour, to serve и их производные) наполняются в этих контекстах противоположным содержанием. Так, в разных книгах Библии грешники характеризуются как «рабы греха»<sup>1</sup> ('seruaunt of sinne'; Ин. 8:34),<sup>2</sup> «сыны противления» ('chyl dren of disobedience'), «чада гнева» ('chyl dren of wrath'), живущие «по воле князя, господствующего в воздухе» ("after the gouernour that ruleth in the ayre"), «исполняя желания плоти и помыслов» ("fulfullyng the wyll of the flesshe, and of the mynde"; Еф. 2:1-3). Обращаясь к иудеям, ищущим возможности убить Его, Иисус Христос говорит им: «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего» ("Ye are of your father the deuyll, and the lustes of your father wyll ye do"; Ин. 8:44). Как дьявольской считается любая власть,

<sup>1</sup> Здесь и далее все русскоязычные цитаты из Библии приводятся по Синодальному переводу.

<sup>2</sup> По мнению ряда учёных [13, с. 64–69], Шекспир использовал два перевода Священного Писания – Женевскую Библию (The Geneva Bible) и Епископскую Библию (The Bishop's Bible) [13; 14]. В данной работе при цитировании Священного Писания будет использоваться текст последней [8].

не исходящая от Бога и не согласная с Его волей, так, например, господство эмоций над разумом или ненависть к законному правителю приводят к восстанию подданных. Противостояние Божией и дьявольской власти происходит на протяжении всей истории мироздания и достигает кульминации в финальной битве между Небесными силами и воинством Зверя, описанной в Откровении Иоанна Богослова.

Таким образом, земная власть, согласно представлениям современников Шекспира, может быть проекцией как Божественной власти, так и дьявольской. Первая направлена на созидание космоса из хаоса и поддержание установленного порядка. Вторая – на разрушение порядка и обращение космоса в хаос.

### **Земная власть как проекция Божественной или дьявольской власти: отражение данного представления в пьесе «Буря»**

Два типа власти отчётливо противопоставлены в пьесе У. Шекспира «Буря» [7], как убеждает анализ системы персонажей и параллельных сюжетных линий, пронизывающих произведение. Очевидно, что в системе персонажей центральное место занимает образ Просперо: как законный миланский герцог, отец семьи, повелитель духов и прочих существ, обитающих на острове, он противопоставляется другим правителям, реальным (Алонзо, Антонио, Сикоракса) и мнимым (Стефано), одновременно выступая в качестве одного из полюсов нескольких «бинарных оппозиций». Контраст между Просперо и каждым другим «господином» подчёркивается благодаря образу слуги, который,

будучи не в состоянии «служить двум господам» одновременно, переходит от одного из них на службу к другому.

Благодаря контрасту между Просперо и другими правителями наше внимание обращается к разным аспектам власти, как истинной (то есть исходящей от Бога), так и ложной (противостоящей Его воле и соотносимой с дьявольской). Рассмотрим несколько пар противопоставленных друг другу правителей.

### **Просперо и Антонио**

Два брата – Просперо и Антонио – противопоставлены друг другу как законный герцог Милана и узурпатор власти, принадлежавшей брату.

В рассказе Просперо о судьбе его подданных, оказавшихся на долгий срок под властью Антонио, мы находим интересный образ правителя как «создателя» своих подданных, отсылающий нас к библейскому образу Бога. По словам героя, Антонио «пересоздал (new created)», «изменил (changed)», «сформировал заново (new formed)» «создания» самого Просперо ('the creatures that were mine') и «себе по вкусу все сердца настроил»<sup>1</sup> (I,1). В этих словах находит отражение представление о том, что истинный правитель в некотором отношении «творит» своих подданных по собственному образу и подобию, как это делает сам Бог; в то же время правитель ложный, подобно дьяволу, меняет их, искажает их души, так же, как его образ искажила «пронувшаяся» в нём и вышедшая из-под контроля разума «злая природа» ("in my false brother / Awaked an evil nature"; I,1).

<sup>1</sup> Перевод М. Кузмина.

Представление о том, что слуги следуют примеру своих господ, было очень распространённым в Англии в эпоху Возрождения, и восходит оно, несомненно, к Священному Писанию. Так, сэр Томас Элиот, выражая эту мысль в своём трактате, ссылается на одну из второканонических книг Библии: «по словам Иисуса, сына Сирахова, каков Судья народа, таковы и его подчинённые, и каковы правители городов, таковы и [живущие в них] люди» [2, с. 16].

### *Просперо и Сикоракса*

Просперо и Сикоракса противопоставлены друг другу как правители острова и повелители обитающих на нём духов, в том числе Ариэля.

Сикоракса вынуждала духов «помогать [её] делам земным и гнусным» (“to act her earthy and abhorr'd commands”)<sup>1</sup>,

... Thy [Ariel's] groans  
Did make wolves howl and penetrate the breasts  
Of ever angry bears. (I,2)

По словам Просперо, до его прибытия остров «не был удостоен присутствия человека (was... not honoured with a human shape)». В этой фразе выражается библейское представление о человеке как о «венце творения», важнейшем «звене» в «великой цепи бытия» [15, с. 34] между Богом и

I am Prospero <...> who most strangely  
Upon this shore, where you were wreck'd, was landed,  
To be the lord on't. (V,1)

Инфинитив глагола с частицей ‘to’

<sup>1</sup> Перевод Т.Л. Щепкиной-Куперник.

<sup>2</sup> Здесь и далее по умолчанию текст «Бури» приводится в переводе М. Донского.

а в случае их неповиновения, охваченная «неукротимой злобой» (“most unmitigable rage”), подвергала их жестоким пыткам. Так, Ариэля она заточила (‘confine’) в щель сосны за нежелание быть причастным к её злодеяниям и не смогла освободить его (“...it was a torment... which Sycorax / Could not again undo”), в результате чего тот оставался невольником (‘imprisoned’) в течение пятнадцати лет, вплоть до прибытия Просперо на остров. Таким образом, лишение свободы, пытки становятся орудиями мести в руках Сикораксы. Благодаря колдовским чарам она способна причинять боль, разрушать, но её магическая власть не дает ей возможности исцелять и восстанавливать разрушенное. После себя она оставляет на острове лишь хаос, кратко и ёмко описанный Просперо при помощи звуковых образов и образов диких зверей:

*Твоим стенам вторя, выли волки,  
Внушал ты жалость яростным медведям.<sup>2</sup>*

природным миром. Библейское представление Просперо об особом месте человека, как «соратника» Бога, в мироздании и о его собственной миссии – привнести гармонию в разрушающийся мир посредством санкционированной Богом власти – отражено во фразе, обращённой к Алонзо:

*На этот берег, так же как и вы,  
Был выброшен я чудом и остался  
Владыкой острова.*

выражает в этом предложении значение цели. Таким образом, Просперо осмысляет своё господство над миром острова как призвание, как проявление

ние воли божественного Провидения ('Providence divine').

Контраст между Просперо и Сикораксой тем разительнее, чем явственнее существующие между ними сходства. Подобно Сикораксе, Просперо в некоторых случаях ограничивает свободу непокорных ему персонажей: он заключает ('confine') Калибана в скалу за попытку обесчестить Миранду, обращается с Фердинандом столь сурово, что тот ощущает себя узником ('prisoner'); при помощи тех же слов – 'prisoner' и 'confine' – Ариэль описывает душевное смятение Алонзо, Антонио и их свиты, в которое они погружаются по воле Просперо. Посредством слова 'torment' описываются муки, которым подвергает Сикоракса Ариэля, а Просперо – Калибана.

Но если действия Сикораксы направлены на принуждение к выполнению её прихотей, то аналогичные, на первый взгляд, действия Просперо направлены на воспитание, т. е. наказание ('punishment') в библейском смысле этого слова. Действия Сикораксы обусловлены аффектом, неконтролируемой злобой. Просперо, напротив, подавляет в себе порывы злобы и ненависти ("... With my nobler reason 'gaitist my fury / Do I take part") и подчиняет каждое своё действие заранее поставленной цели. Наконец, в отличие от Сикораксы, Просперо умеет исцелять и восстанавливать разрушенное, и поэтому те испытания и наказания, иногда – весьма мучительные, которым он подвергает других персонажей, не только не причиняют им вреда, но, напротив, приносят пользу, помогают подняться над слабостями, осознать глубину собственных заблуждений и тяжесть своего греха, и научиться самообладанию.

Обобщая сказанное, отметим, что Сикоракса при помощи волшебных чар обращает исходный порядок в хаос и не имеет ни желания, ни возможности что-либо создать или восстановить разрушенное. Просперо, напротив, прибегает к волшебству с целью преобразить поражённый злом мир и наполнить его божественной гармонией, символом которой является «небесная музыка» ('heavenly music').

### *Просперо и Алонзо*

В отличие от других правителей, противопоставленных в пьесе Просперо, Алонзо – наследный герцог Неаполя, а значит, в восприятии человека шекспировской эпохи его власть над подданными имеет божественное происхождение.

Однако Алонзо, будучи истинным правителем Неаполя, является одновременно ложным правителем Милана, а значит, в некотором смысле, узурпатором: из рассказа Просперо мы узнаём, что именно Алонзо помог Антонио взойти на престол, и за это Милан, прежде независимый, был подчинён неаполитанской короне. Действия персонажа, приводящие к нарушению исходных отношений власти и подчинения, становятся проекцией смещения, произошедшего в его внутренней «иерархии»: поведение Алонзо на острове показывает, что герою не присуще то важнейшее качество, которое, как было упомянуто выше, считается неперемennым свойством правителя, – самообладание, то есть способность подчинять чувства и мысли божественному началу – разуму. Погружённый в уныние, он не замечает происходящих вокруг чудес, забывает об обязанностях по отношению к под-

данным, не видит подстерегающей их опасности. В этом контексте слова, которые произносит Гонзало, желая приободрить Алонзо, обретают символическое значение: «Во всех нас – скверная погода, господин, когда Вы пасмурны» (“It is foul weather in us all, good sir, / When you are cloudy”; II,1). Так как образ «скверной погоды» вызывает в пьесе устойчивые ассоциации с силами тьмы, приносящими хаос в божественный миропорядок, эта фраза в очередной раз отсылает нас к представлению о том, что внутренний разлад в человеке, наделённом властью, приводит к нарушению порядка среди его подданных и членов семьи.

Неудивительно, что в начале действия пьесы отсутствие самообладания свойственно всем подчинённым Алонзо и его сыну Фердинанду, о чём свидетельствует их поведение во время бури.

Самообладанию учит будущего правителя Милана и Неаполя Просперо. Он даёт Фердинанду тяжёлое и унижительное поручение, и тот, смиря гордыню и преодолевая усталость, душевную и физическую, приступает к его исполнению, чтобы иметь возможность хотя бы изредка видеть Мирранду. Позднее, давая своё согласие влюблённым на их брак, Просперо несколько раз призывает юношу обузывать собственную страсть до совершения брачного обряда. Так, повинувшись Просперо, Фердинанд обретает те качества, которые не мог воспитать в нём его родной отец.

### *Просперо и Стефано*

Власть Просперо противопоставляется власти пьяницы Стефано, как «во-человечивающая» – «расчеловечиваю-

щей». Эта оппозиция раскрывается в их взаимоотношениях с Калибаном.

Просперо на протяжении пьесы неоднократно подчёркивает, что Калибан – наполовину дьявол по происхождению (‘devil, a born devil’, ‘demi-devil’) и что «злая природа», заложенная в нём от рождения, делает особенно мучительным процесс его воспитания (“...on whose nature/ Nurture can never stick”). В понимании гуманистов эпохи Возрождения главная цель воспитания (‘nurture’) – способствовать тому, чтобы человек в большей степени соответствовал своему предназначению, то есть являл в себе образ Божий. О том, что именно такую цель ставит перед собой Просперо в воспитании Калибана, свидетельствуют следующие слова: “Abhorred slave, Which any print of goodness wilt not take...” (дословно: «Отвратительный раб, не желающий принять на себя печать божества...»). Таким образом, несмотря на происхождение Калибана и на его уродство, Просперо стремится воспитать в нём человека вопреки желанию самого дикаря. Двойственное отношение к Калибану как к «недочеловеку», с одной стороны, и как к «потенциальному» человеку – с другой, имплицитно выражается во фразе Просперо, обращённой к Ариэлю: “Then was this island- / Save for the son that she did litter here... / not honour’d with / A human shape” (дословно: «Тогда этот остров, не считая сына, которого она прижила здесь, не был удостоен присутствия человека»).

В этом контексте слово «раб» (slave), которое неоднократно произносит Просперо в адрес Калибана, звучит вовсе не так унижительно, как представляется многим современным

читателям и критикам.<sup>1</sup> Положение Калибана как раба волшебника Просперо отчётливо противопоставляется его положению как раба пьяницы Стефано. Первый господин видит в нём человека и пользуется своей вла-

стью, чтобы развить в дикаре человеческое начало. Второй воспринимает его как «чудище» ('monster', а также 'man-monster', 'monster-servant', 'fish', 'cat') и рассчитывает извлечь выгоду из его уродства:

If I can recover him and keep him tame and get to Naples with him, he's a present for any emperor that ever trod on neat's leather. (II,2)

*Если бы мне удалось вылечить его, да приручить, да вернуться с ним вместе в Неаполь – ни один император не отказался бы от такого подарка.*

Таким образом, за словом 'slave' в пьесе Шекспира стоят две противопоставленные друг другу модели взаимоотношений между господином и подчинённым, которые типологически восходят к двум библейским моделям – рабство Богу и рабство дьяволу.<sup>2</sup>

Эта оппозиция подчёркивается при помощи символических деталей. Из рассказа Просперо мы узнаём, что волшебник научил Калибана человеческому языку; Стефано, спаивая Калибана вином, иронически замечает, что эта жидкость развяжет ему язык: "... Here is that which will give language to you"

(буквальный перевод: «...Вот то, что научит тебя языку»; II, 2). Таким образом, просвещённая и «просвещающая» власть Просперо противопоставляется развращающему воздействию его антипода на душу слуги.

Показательно, что Стефано не только лишается возможности видеть человека в другой личности и оказывает «расчеловечивающее» воздействие на своего раба, но и сам утрачивает человеческий облик к концу пьесы и перестаёт видеть человека в самом себе, о чём свидетельствует следующая фраза:

O, touch me not; I am not Stephano, but a cramp. (V,1)

*Ой, не трогайте меня! Я не Стефано, а сплошная судорога.*

Итак, Просперо, как правитель, в котором разумное, божественное начало господствует над чувствами, эмоциями и определяет поступки, противопоставляется Стефано – человеку, лишив-

шемуся способности самоконтроля, но претендующего на роль правителя. Благодаря образу Калибана, раба Просперо, переходящего на сторону Стефано, но в конце пьесы вновь возвращающегося к своему господину, мы видим, что подчинение истинному господину способствует развитию в слуге человеческой природы, в то время как преданность узурпатору и глупцу приводит к умственной и душевной деградации.

<sup>1</sup> См., например, в [10, с. 40]: «... приобретение благодаря порабощению Калибана средств производства пищи и рабочей силы, которые жизненно необходимы для него самого и для Миранды» ("...acquisition, through Caliban's enslavement, of the means of supplying food and labour on which he and Miranda are completely dependent").

<sup>2</sup> См., например, в работе современного американского кальвиниста [12, с. 200]: «По сути дела, в Библии все люди в мире разделены на

две категории: рабы греха и рабы праведности» ("In fact, the Bible denotes only two categories of people in this world: those who are slaves to sin and those who are slaves to righteousness").



В заключение отметим, что явный контраст между Просперо и другими правителями, изображёнными в пьесе, позволяет актуализировать в сознании зрителя и читателя оппозицию между божественной властью и дьявольской, как созидающей и искажающей, преобразующей хаос в космос и обращающей космос в хаос, вочеловечивающей и расчеловечивающей, приносящей свободу и лишаящей свободы, основанной на доброй воле и основанной на насилии. Это противопоставление реализуется при помощи параллельных сюжетных линий, символических деталей, а также на уровне семантики отдельных слов: как и в Библии, в пьесе одно и то же слово, характеризующее отношения власти и подчинения, может выражать противоположные смыслы в зависимости от того, по отношению к чьей власти — Божией или дьявольской — оно используется.

#### ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

##### *Источники:*

1. A Catechisme // The Book of Common Prayer. L., 1559. [Электронный ресурс]. URL: [http://justus.anglican.org/resources/bcp/1559/Confirmation\\_1559.htm](http://justus.anglican.org/resources/bcp/1559/Confirmation_1559.htm) (дата обращения: 17.07.2014).
2. Elyot T. The Boke named The Governour. New York: J.M. Dent & Co., 1907. 308 p.
3. Erasmus D. The Education of a Christian Prince. Translated by Lester K. Born [p. 1936] // Columbia University Records of Civilization. New York: Octagon Books, 1963. 258 p.
4. Holy Communion // The Book of Common Prayer. L., 1559. [Электронный ресурс]. URL: [http://justus.anglican.org/resources/bcp/1559/Communion\\_1559.htm](http://justus.anglican.org/resources/bcp/1559/Communion_1559.htm) (дата обращения: 17.07.2014).
5. House of Commons Journal Volume 1: 22 March 1604 // Journal of the House of Commons: volume 1: 1547-1629. London, 1802. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.british-history.ac.uk/report.aspx?compid=8962> (дата обращения: 17.07.2014).
6. Litany // The Book of Common Prayer. – L., 1559. [Электронный ресурс]. URL: [http://justus.anglican.org/resources/bcp/1559/Litany\\_1559.htm](http://justus.anglican.org/resources/bcp/1559/Litany_1559.htm) (дата обращения: 17.07.2014).
7. Shakespeare W. The Tempest (The New Cambridge Shakespeare). 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 302 p.
8. The Bishop's Bible [1572]. [Электронный ресурс]. URL: <http://studybible.info/version/Bishops> (дата обращения: 17.07.2014).

##### *Литература:*

9. Александренко М.В. Проблема поколений в трагикомедиях У. Шекспира. Отцы и дочери: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 300 с.
10. Barker F, Hulme P. Nymphs and Reapers Heavily Vanish: the Discursive Contexts of The Tempest // The Tempest (New Casebook). Ed. White R.S. Basingstoke: Macmillan, 1999. 212 p.
11. Brooks H.F. Shakespeare lecture 1978. The Tempest: What Sort of Play? Oxford, 1980. 54 p.
12. MacArthur J. Slave: the Hidden Truth about your Identity in Christ. Nashville, 2010. 227 p.
13. Marx S. Shakespeare and the Bible. Oxford: Oxford University Press, 2000. 165 p.
14. Noble R. Shakespeare's Biblical Knowledge and Use of the Book of Common Prayer as Exemplified in the Plays of the First Folio. L., 1935. 303 p.
15. Tillyard E.M. The Elizabethan World Picture. New York: Macmillan, 1944. 108 p.